

Словенская литература в Австрии (национальное и поликультурное)

В 1920 г. исконно словенские земли южной Каринтии отошли Австрийской Республике, словенское население оказалось под юрисдикцией государства, официальным языком которого являлся немецкий. В этих условиях важным фактором сопротивления ассимиляции для каринтийских словенцев стала литература на родном языке. Однако спустя десятилетия национально-охранительная функция художественного слова постепенно сошла на нет. Современная литература словенского меньшинства, проживающего в Австрии, представляет особый феномен, сочетающий в себе национальные и поликультурные компоненты и имеющий два культурно-исторических контекста, две идентичности — словенскую и австро-немецкую. В эстетическом, тематическом, языковом плане эта литература столь разнопланова, что больше не укладывается в рамки словесности национального меньшинства, а также не может быть автоматически отнесена только к одной из двух — словенской или австрийской — литератур. Разнообразие произведений, включающее собственно словенские тексты, гибридные билингвистические формы, сочинения на немецком языке, безусловно, требует новой исследовательской методологии, которая расширила бы существующие подходы и смогла охватить литературную практику тех, кто создает панораму каринтийской действительности, востребованную и в Словении, и в Австрии.

Ключевые слова: *словенская литература, южная Каринтия, национальное меньшинство, билингвизм, поликультурализм.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.4.03

Исследование выполнено в рамках проекта «Язык и культура в полиэтнических и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» Программы Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» Подпрограммы «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Историческая судьба словенцев была полна суровых испытаний. Специфика геополитического положения исконно словенских территорий, оказавшихся объектом притязаний более могущественных соседей, стала одной из причин многовековой экспансии со стороны ряда европейских государств. Исторические катаклизмы, передел территорий, перенос границ привели к тому, что к середине XX в. этнические земли словенцев уменьшились почти на две трети. Крайне болезненным для национальных чувств стал при определении новых государственных границ после Первой мировой войны раздел южной Каринтии, некогда центра княжества Карантания, фактически исконно словенской территории. На протяжении веков эти земли были частью словенского культурного пространства, в середине XIX в. в Целовце (ныне Клагенфурт) было учреждено просветительское и издательское «Общество св. Мохора», в то время крупнейший центр словенского книгопечатания. По результатам плебисцита 1920 г. каринтийские земли, на которых проживало более 80 000 словенцев¹, были закреплены за Австрийской Республикой. Словенское население осталось проживать в своих автохтонных областях, но вследствие передела границ оказалось под юрисдикцией чужого государства. Вопреки обещаниям всячески способствовать сохранению языка и культуры словенского национального меньшинства, на которые перед голосованием не скупилась австрийские власти, немецкий язык очень быстро получил статус единственного официального и для словенских областей. В этих условиях важным фактором сопротивления ассимиляции стала для каринтийских словенцев литература на родном языке. Ее представляют две группы авторов: собственно этнические словенцы, выходцы из южной Каринтии (М. Хартман, Я. Месснер, Ф. Липуш, М. Хадерлап, Ц. Липуш, Ф. Хафнер, Я. Освальд и др.), и писатели словенского происхождения, по политическим или личным причинам иммигрировавшие в Австрию (В. Ошлак, А. Худл, Л. Детела, М. Мерлак-Детела). Их творчество не только открывает читателю внутренний мир и менталитет представителей одного из славянских национальных меньшинств в Австрии, но и несет в себе определенные черты поликультурализма, обусловленные историческими, социокультурными и жизненными обстоятельствами.

Взгляд историков литературы на художественную практику каринтийских словенцев с течением времени менялся. Долгие годы

¹ *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konva 20. stoletja. Ljubljana, 2007. S. 253.

словенские литературоведы видели в ней одну из «ветвей» национального культурного «древа», которая естественным образом связана с литературной и культурной традицией, «встроена» в общесловенский литературный контекст. Так, еще в 1946 г. историк литературы И. Графенауэр в статье «Словенская литература в Каринтии — сегмент литературы Словении» представил основные вехи литературного развития каринтийских словенцев от праславянской эпохи до постплебисцитного периода. Учитывая общественно-политический контекст времени публикации (известно, что Й. Б. Тито не оставлял идеи вернуть отошедшие Австрии территории обратно), ее название носит программный характер, намекая на возможное объединение «Словенской Каринтии» с Республикой Словенией, поскольку речь идет о «каринтийской части Словении»². С этой стратегической задачей была отчасти связана культурная политика социалистической Словении в направлении контактов с национальными анклавами. В 1969 г. в Мариборе состоялась первая конференция, посвященная культурному пространству Каринтии, в которой были задействованы ведущие научные силы СФРЮ, в 1973 г. литература словенского зарубежья стала одной из тем девятого семинара словенского языка, литературы и культуры в Любляне, центрального учебно-научного мероприятия, осуществляющего продвижение словенистики в Европе и мире. В сборнике докладов мариборской конференции был опубликован ряд материалов, определяющих литературную практику каринтийских словенцев как один из векторов развития «большой» словенской литературы. Так, Б. Патерну в своем выступлении подчеркнул, что «ни в плане исторического развития, ни по типологическим характеристикам» литература этой диаспоры «не может быть выделена в изолированный литературный организм»³. М. Кмецл сделал акцент на исторических и общественно-политических предпосылках формирования словенского печатного слова в Австрии (доклад «Литература зарубежных каринтийских словенцев после плебисцита»⁴). В дальнейшем он развил тему Каринтии как исконно словенской терри-

2 *Grafenauer I.* Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva // Koroški zbornik. Ljubljana, 1946. S. 289.

3 *Paternu B.* Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del // Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj. Maribor, 1973. S. 98.

4 *Kmec M.* Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu // Ibid. S. 151–165.

тории, на протяжении нескольких столетий остававшейся колыбелью словенской культуры, отметив при этом, что после плебисцита 1920 г. начался новый этап в жизни словенского меньшинства, являющегося «неотъемлемой частью словенского народа [...] и вынужденного в новых исторических обстоятельствах бороться за свое физическое существование»⁵. Борьба за выживание в чужой стране, сопротивление угрозе ассимиляции, по мнению Кмецла, стали причиной определенной идейной ангажированности словенских каринтийских авторов, их сосредоточенности на проблемах языка.

Автор первой в Словении монографии о литературе словенского зарубежья и эмиграции Й. Погачник отмечает важное значение литературы словенского меньшинства, живущего в Италии и Австрии, для национального литературного пространства в целом и видит в них «дополнительную составляющую национального литературного процесса»⁶.

Наиболее последовательно точку зрения самих каринтийских словенских литераторов на протяжении нескольких десятилетий представлял прозаик и публицист Ф. Липуш, не раз в своих статьях ставивший вопрос о предназначении словенского художественного слова в Каринтии. С его деятельностью на посту главного редактора журнала «Младье» («Mladje», Целовец, 1960–1991) связан длительный период словенской литературной жизни в Австрии. Еще в середине 1960-х в полемическом эссе «Литература на скамье подсудимых», констатируя ускорение процесса ассимиляции словенского населения Каринтии, Липуш призывал коллег: «...мы должны доказать, что можем быть культурно независимы, самодостаточны, можем подчиняться только собственной творческой воле. Что у нас есть чувство собственного достоинства и вера в жизнь. Что мы избавились от ощущения своей неполноценности в сфере культуры»⁷. Сам факт, что «группа молодых людей покончила с провинциализмом [...] решительно отреклась от утилитаризма», стал, по его мнению, первым шагом к «культурному соединению с словенской нацией»⁸. Задачу своих коллег Липуш видел

5 *Kmecl M.* Slovenska Koroška in slovenska matična literatura // 10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj = 10. Kärntner Kulturtag. Almamach der Vorträge. Maribor, 1979. S. 127.

6 *Pogačnik J.* Slovensko zamejsko in zdomsko slovstvo (oris izhodišč in ocean vrednosti). Trst, 1972. S. 90.

7 *Lipuš F.* Literatura na zatožni klopi // Mladje. 1966. Št. 6. S. 26.

8 *Lipuš F.* Kulturni položaj koroških Slovencev // Naši razgledi. 1968. Št. 17/22. S. 576.

в «в самостоятельной творческой деятельности на страже словенского языка в Каринтии и для Каринтии»⁹. Впоследствии, правда, он изменил свое отношение к национально-охранительной функции литературы диаспоры как ведущей в пользу художественного уровня и оригинальности произведений, которые должны стать «достоянием всех народов мира и [...] частью мировой литературы»¹⁰.

У австрийских литературоведов также сложилось свое мнение о том, как литературы национальных меньшинств соотносятся с литературной ситуацией в стране. Впервые тезис о связи творчества авторов национальных меньшинств, в том числе словенцев, с немецкоязычным литературным пространством Австрии развили Э. Прунч и С. Хафнер в главе «Литература национальных меньшинств», опубликованной в истории современной австрийской литературы «Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs» (1976)¹¹. Компаративно-региональный подход к литературам славянских диаспор Австрии использовал в своих исследованиях и И. Штруц. Он полагал, что имманентным свойством этих литератур является их равноудаленность как от культуры другого (немецкого) языка, так и от родной культуры, и как следствие — высокая степень полиморфности. В эссе «Об одной “маленькой литературе”. Социология и эстетика новейшей словенской литературы в Каринтии» Штруц говорит о сложной структуре и многокомпонентности общесловенского литературного пространства, к которому относит не только Словению, но и Италию, Венгрию, австрийскую Каринтию и даже Аргентину¹². Отчасти эта проблематика была в середине 1990-х гг. затронута на симпозиуме о проблемах перевода и многоязычия в Клагенфурте¹³, организатором

9 *Lipuš F.* Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč // *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1. S. 8.

10 *Lipuš F.* Na rob koroški literaturi // *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11. S. 328.

11 *Hafner S., Prunč E.* Die Literatur der nationalen Minderheiten // *Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs*. Zürich; München, 1976. S. 671–688.

12 *Strutz J.* Eine »kleine Literatur«. Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten // *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec, 1989. S. 11.

13 *Strutz J., Zima V.* Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen

которого также выступил Штрутц. О двойной ориентации современной каринтийской словенской литературы — ее интегрированности как в общесловенский, так и в австрийский литературный контекст — неоднократно писал поэт, прозаик, драматург и литературный критик словенского происхождения Л. Детела¹⁴. Значительно более скептичен в оценках поэт Я. Освальд, убежденный, что говорить о полноценном взаимодействии литературы словенского национального меньшинства с литературным мейнстримом Австрии преждевременно: пишущие по-словенски авторы Каринтии «практически неизвестны широкой читательской аудитории, а те немногие, кто переведен на немецкий, выступают скорее в роли “экзотов”»¹⁵.

Принципиальные изменения в самой дефиниции «литература каринтийских словенцев» произошли в годы краха социализма и распада Югославии после провозглашения независимости Словении с развитием европейской интеграции. Если до этого литературоведы и культурологи делали упор в основном на историко-культурной и этнической составляющей литературы, во главу угла ставилась ее национально-охранительная функция, то после 1991 г. на смену пришли кросс-культурные и региональные маркеры. На изменение акцентов повлияли новые эстетические концепции, дискуссии о межэтничности и мультикультурализме, курс политиков на трансграничное сотрудничество и, не в последнюю очередь, осознание разрыва между самим привычным монокультурным дискурсом и реальной литературной жизнью. Общественно-политические и социокультурные трансформации оказали влияние на «всю сферу культуры, литературу, литературную теорию и критику»¹⁶. В 1991 г. Б. Патерну констатировал, что разделение литературы на словенском языке государственными границами в новой реальности теряет смысл, словенская литература едина, неделима, все ее анклавы «чувствуют, думают и дышат на

Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt. Tübingen, 1996.

14 *Detela L.* Slovenska koroška povojna literatura // Mladje. 1972. Št. 11. S. 62; *Detela L.* Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esezjistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji. Celovec, 1977. S. 147.

15 *Oswald J.* Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni proctor // Mladje. 1986. Št. 63. S. 16.

16 *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018. С. 8.

одном языке»¹⁷. На рубеже XX–XXI вв. лингвистический вектор литературной практики каринтийских словенцев меняет траекторию: молодые авторы все чаще прибегают к билингвизму, проблематика их произведений начинает отдаляться от когда-то традиционной, нацеленной на сохранение родного языка, она все менее обусловлена этнической принадлежностью авторов. Это стремление интегрироваться в мультикультурный австрийский контекст меняет сам статус литературы диаспоры — словенская каринтийская литература перестает быть периферийным компонентом литературного процесса, обретает языковую, культурную, эстетическую полифонию, при этом «двуязычие дает и пишущему, и читающему неисчислимые преимущества»¹⁸. Билингвизм словенских писателей Каринтии, по мнению С. Боровник, свидетельствует о наличии у них двойной культурной идентичности и усилении вектора поликультурности в их творчестве¹⁹.

В силу исторических обстоятельств роль немецкого языка для развития словенской научной и культурной мысли трудно переоценить. Однако после Второй мировой войны в Словении, ставшей частью СФРЮ, его значение в культурной истории словенцев последовательно замалчивалась. Между тем еще и в первые десятилетия XX в. (не говоря о веке XIX) словенское литературное пространство было двуязычным, причем немецкий язык оставался средством общения культурных слоев общества, творческой интеллигенции. Выдающиеся словенские литераторы периода модерна И. Цанкар и З. Кведер, оба граждане Австро-Венгрии, долгие годы творившие за пределами словенских территорий — она в Праге, он в Вене, — свободно и вполне художественно писали по-немецки. При этом оба приняли мужественное решение создавать произведения на родном языке в стремлении преодолеть расхожее мнение о его ограниченности, расширить семантический и эстетический потенциал словенского литературного слова. С предрассудками в отношении словенского языка (беден, невыразителен, неблагозвучен) столкнулись и предста-

17 *Paternu B.* Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem // *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1. S. 1.

18 *Lipuš F.* Zum literarischen Selbstverständnis und zur Perspektive: Wie produziere ich als slowenischer Autor in Kärnten? // *Lipuš lesen. Texte und Materialien*. Celovec, Dunaj, Ljubljana in Sarajevo, 2000. S. 310.

19 *Borovnik S.* Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete // *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Ljubljana, 2012. S. 437.

вители старшего поколения словенских писателей Каринтии, о чем впоследствии писали в своих произведениях Я. Месснер, Ф. Липуш, Г. Януш²⁰. Детей словенцев в австрийских гимназиях принудительно заставляли говорить и писать только по-немецки, в то время как южной Каринтии, особенно в сельской местности, в 1930-е гг. население было практически полностью словенским.

Обращение современных словенских писателей Каринтии к немецкому языку — явление в определенной степени закономерное и, видимо, уже необратимое. Многовековая история борьбы за родное слово в агрессивной иноязычной среде уходит в прошлое. И встает вопрос, куда отнести немецкоязычные тексты каринтийских словенцев. Об этом в статье «Многоязычие в современной поэзии словенцев в Австрии: мультикультурализм или ассимиляция?» размышляет Д. Бандель. Не подвергая сомнению тот факт, что «словенская литература в Австрии существует с XVIII в. [...] внесла существенный вклад в развитие национальной словесности [...] и является ее неотъемлемой частью», он констатирует изменение внутрилiterатурной ситуации: наличие поэтов словенского происхождения, пишущих только по-немецки, но сохраняющих при этом особый региональный менталитет и культурное своеобразие. На смену языковому коду приходит региональный, следствием чего становится возникновение «особого каринтийского литературного пространства, не зависящего ни от австро-немецкой, ни от словенской литературы»²¹, пространства со своей проблематикой, спецификой и художественной парадигмой.

В XXI в. в пределах этого особого каринтийского литературного пространства сосуществуют произведения, написанные авторами словенского происхождения по-словенски (Ц. Липуш), с использованием двуязычия (Я. Освальд, Я. Ферк, Ф. Хафнер) и на немецком языке (М. Хадерлап), а также немецко-австрийскими писателями, использующими словенский язык как художественное средство и/или фокусирующими внимание на вопросах национального меньшинства (П. Хандке). Очень интересен в плане обновления подхода к национальному материалу опыт М. Хадерлап, нашедший отражение в романе «Ангел забвения» («Engel des Vergessens», 2011), посвященном

20 *Messner J.* Skurne storije. Maribor, 1971; *Lipuš F.* Zgodbe o čuših. Ljubljana, 1973; *Januš G.* P(e)s(m)i. Ljubljana, 1978.

21 *Bandelj D.* Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? // *Slovenščina med kulturami.* Ljubljana, 2008. S. 175.

судьбам словенцев в Австрии в период Второй мировой войны. После 1945 г. активное сотрудничество австрийских властей с гитлеровским режимом последовательно замалчивалась, Австрия позиционировала себя как жертву нацизма, а не как его пособника. Между тем во время войны словенское население Каринтии подвергалось преследованиям со стороны нацистов, физическому уничтожению и депортации в концентрационные лагеря. И оказывало врагам сопротивление. Выжившие участники антифашистского сопротивления после войны вынуждены были скрывать свое военное прошлое. Эту до сих пор неудобную для австрийцев тему, опираясь на историю своей семьи, поднимает в своем семейном романе-хронике Хадерлап. Нестандартность подхода автора — этнической словенки, успешно пишущей стихи на родном наречии²², — к теме связана с выбором языка. Роман написан по-немецки (перевод на словенский язык сделан видным переводчиком-германистом Ш. Веваром). В одном из первых после выхода книги интервью Хадерлап заметила: «Я хотела, чтобы этот сюжет был понятен не только каринтийским словенцам, которые знают свою трагическую историю, но и всему современному австрийскому обществу. В то же время немецкий язык, эмоционально дисциплинируя, дал мне возможность сохранить дистанцию по отношению к изображаемому. Я почувствовала, что это броня, которая защищает меня от пережитой боли, поняла, что выбор сделала правильно. Пиши я по-словенски, материал разрывал бы меня изнутри»²³.

Тенденции переосмысления прошлого — личного и исторического — активно развиваются в современном мире, воплощаясь в самых различных формах. В «эпоху всемирного торжества памяти, как замечает П. Нора, «мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому — действительному или воображаемому — с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью»²⁴. В этом возвращении к прошлому реализуется

22 *Haderlap M. Žalik pesmi. Celovec, 1983.*

23 *Haderlap M. Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko. Dnevnik, 27. avgust 2011. — URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> (дата последнего обращения: 28.12.2019).*

24 *Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.12.2019).*

естественная потребность человека сохранить тождественность самому себе, поскольку «не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о причинности, а следовательно, и о той цепи причин и действий, из которых состоит наше я или наша личность»²⁵. Роман Хадерлап — попытка вербализации табуированного в обществе прошлого посредством доступного этому обществу нарратива. В центре повествования — личная история бабушки и отца писательницы, рассказанная от лица повествовательницы — внучки и дочери героев. Бабушка, простая крестьянка, только за то, что она словенка, была отправлена в концентрационный лагерь Равенсбрюк, печально известный своими медицинскими опытами, выжила, вернулась к семье. И была счастлива, потому что, в отличие от многих других, ей было к кому и куда вернуться — многих соседей расстреляли, а дома сожгли. Будущего отца писательницы, десятилетнего мальчика, зверски пытали гестаповцы, а в двенадцать лет он уже воевал в партизанском отряде. После войны трагическая история каринтийских словенцев не закончилась — австрийские власти подозревали их в связях с коммунистическим режимом, в титовской Югославии партизанские заслуги граждан капиталистического государства не признавались. «Никто не приветствовал нацистов в этой несчастной стране, никто не трепетал перед Великим Рейхом, никто не несет ответственности, причастны единицы, расстреляны, убиты единицы, но это не в счет, не в счет»²⁶, — горькая ирония Хадерлап оправдана годами страданий и забвения не только ее близких, но и множества других земляков. Этическое измерение травматического опыта военного прошлого Европы нашло отклик в среде немецкоязычных читателей — роман имел широкий резонанс в Австрии, Германии и Швейцарии, автор была удостоена нескольких престижных литературных премий, в частности премии имени Ингеборг Бахман, одной из самых значительных наград в современной немецкоязычной литературе.

Несмотря на то, что текст написан по-немецки, читателю абсолютно ясно, что действие происходит в словенской среде, члены семьи общаются, молятся, поют на родном языке. Фамилии соседей, названия усадеб и хуторов словенские, в речь героев вкраплены цитаты из народных словенских сказок, песенок, литературных произведений,

25 Юм Д. Сочинения в 2 тт. М., 1965. Т. 1. С. 407.

26 Haderlap M. Engel des Vergessens. Göttingen, 2011. S. 248. Перевод автора статьи.

повествовательница вспоминает, как в детстве она с соседскими ребятами тайно смотрела словенский телевизионный канал, когда шел культовый детский фильм «Кекец». Родной язык имеет особую магическую силу оберега — семейная легенда гласит, что арестованный клагенфуртским гестапо дед-партизан в камере молился по-словенски и выжил.

Процессы лингвокультурного обновления, литературная полигlossия, увеличение числа авторов, создающих художественные тексты не на одном, а на двух и более языках и относимых исследователями к нескольким литературам, постепенно становятся нормой. В мировой и европейской культурной практике подобных примеров хватает: П. Целан, В. Набоков, С. Беккет, И. Бродский, М. Кундера, И. Голль и многие другие. Есть такие авторы и в современной словенской литературе: Б. Свит-Мера, Э. Джонсон-Дебеляк, М. Кресе, Г. Войнович. Появление немецкоязычных писателей среди словенских авторов Каринтии — отражение этой тенденции. Современная литература словенского меньшинства, проживающего в Австрии, является собой особый феномен художественной практики, сочетающий национальные и поликультурные элементы, имеющий два культурно-исторических контекста, две — словенскую и австро-немецкую идентичности. В эстетическом, тематическом, языковом плане эта литература столь разнообразна и «раздифференцирована» (А. Лебен²⁷), что больше не укладывается в рамки литературы национального меньшинства, а также не может быть автоматически отнесена только к одной из двух — словенской или австрийской — литератур. Разнообразии произведений, включающее собственно словенские тексты, гибридные билингвистические формы, сочинения на немецком языке, безусловно, требует новой исследовательской методологии, которая расширила бы существующие подходы и смогла охватить литературную практику тех, кто «создает полифонию образов каринтийской действительности»²⁸, востребованную и в Словении, и в Австрии.

27 *Leben A.* Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna? // *Jezik in slovstvo*. 2013. Letnik 58. Št. 4. S. 15.

28 *Borovnik S.* Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem // *Borovnik S.* Književne študije. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha, 2012. S. 193.

Источники и литература

Nora P. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 28.12.2019).

Старикова Н. Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 368 с.

Юм Д. Сочинения в 2 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 1. 659 с.

Bandelj D. Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija? // Sloveščina med kulturami. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008. S. 159–176.

Borovnik S. Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete // Individualna in kolektivna dvojezičnost. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2012. S. 437–449.

Borovnik S. Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem // Borovnik S. Književne študije. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2012. S. 192–205.

Detela L. Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esejistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1977. 149 s.

Detela L. Slovenska koroška povojna literature // Mladje. 1972. Št. 11. S. 42–62.

Grafenauer I. Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva // Koroški zbornik. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1946. S. 284–343.

Haderlap M. Engel des Vergessens. Roman. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. 288 s.

Haderlap M. Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko. Dnevnik, 27 avgust 2011. URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> (дата последнего обращения: 28.12.2019).

Hafner S. Prunč E. Die Literatur der nationalen Minderheiten // Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs. Zürich — München: Kindler-Verlag, 1976. S. 671–688.

Kmecl M. Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu // Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj. Maribor: Obzorja, 1973. S. 151–165.

Kmecl M. Slovenska Koroška in slovenska matična literatura // 10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj = 10. Kärntner Kulturtag. Almanach der Vorträge. Maribor: Obzorja; Celovec: samozaložba, 1979. S. 122–129.

Leben A. Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna? // *Jezik in slovstvo*. 2013. Letnik 58. Št. 4. S. 5–15.

Lipuš F. Kulturni položaj koroških Slovencev // *Naši razgledi*. 1968. Št. 17/22. S. 576.

Lipuš F. Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč // *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1. S. 8–9.

Lipuš F. Literatura na zatožni klopi // *Mladje*. 1966. Št. 6. S. 24–27.

Lipuš F. Na rob koroški literaturi // *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11. S. 328–329.

Oswald J. Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni prostor // *Mladje*. 1986. Št. 63. S. 12–17.

Paternu B. Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del // *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja. 1973. S. 87–99.

Paternu B. Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem // *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1. S. 1–14.

Pogačnik J. Slovensko zamejsko in zdonsko slovstvo (oris izhodišč in ocena vrednosti). Trst: Zaliv, 1972. 151 s.

Strutz J. Eine »kleine Literatur«. Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten // *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec: Mohorjeva založba, 1989. S. 11–35.

Strutz J., Zima V. Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1996. 249 s.

Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja. Ljubljana: Modrijan, 2007. 630 s.

References

Bandelj, D. "Večjezičnost v sodobni poeziji Slovencev v Avstriji: medkulturnost ali asimilacija?" *Slovensščina med kulturami*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2008, s. 159–176.

Borovnik, S. "Dvojezičnost slovenske književnosti v Avstriji kot odraz dvojne identitete." *Individualna in kolektivna dvojezičnost*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2012, s. 437–449.

Borovnik, S. "Medkulturnost slovenske književnosti na avstrijskem Koroškem." Borovnik, S. *Književne študije*. Bielsko-Biala, Budapest, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru, 2012, 262 s.

Detela, L. *Povojni slovenski koroški pesniki in pisatelji. Obrazi sodobne koroške književnosti v slovenskem jeziku. Esejistična razmišljanja o slovenski povojni literaturi v Avstriji*. Celovec: Družba sv. Mohorja, 1977, 149 s.

Detela, L. "Slovenska koroška povojna literature." *Mladje*. 1972. Št. 11, s. 42–62.

Grafenauer, I. "Slovensko slovstvo na Koroškem — živ člen vseslovenskega slovstva." *Koroški zbornik*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1946, s. 284–343.

Haderlap, M. *Engel des Vergessens*. Roman. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011, 288 s.

Haderlap, M. "Zdaj sem vse: slovenska pesnica in avstrijska pisateljica! Intervju z Tanjo Lesničar-Pučko." *Dnevnik*, 27. avgust 2011. URL: <https://www.dnevnik.si/1042468294/ljudje/intervjuji/1042468294> Accessed: 28.12.2019.

Hafner, S., Prunč, E. "Die Literatur der nationalen Minderheiten." *Kindlers Literaturgeschichte der Gegenwart. Autoren, Werke, Themen, Tendenzen seit 1945. Die zeitgenössische Literatur Österreichs*. Zürich; München: Kindler-Verlag, 1976, s. 671–688.

Hume, D. *Sočineniya v 2 tt*. Moscow, Izdatel'stvo «Mysl'», 1965, vol. 1, 659 s.

Kmecl, M. "Književnost zamejskih koroških Slovencev po plebiscitu." *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja, 1973, s. 151–165.

Kmecl, M. "Slovenska Koroška in slovenska matična literatura." *10. koroški kulturni dnevi. Zbornik predavanj. 10. Kärntner Kulturtag. Almanach der Vorträge*. Maribor: Obzorja; Celovec: samozaložba. 1979, s. 122–129.

Leben, A. "Slovenska literatura na avstrijskem Koroškem: manjšinska — regionalna?" *Jezik in slovstvo*, 2013. Letnik 58. Št. 4, s. 5–15.

Lipuš, F. "Kulturni položaj koroških Slovencev." *Naši razgledi*. 1968. Št. 17/22, s. 576.

Lipuš, F. "Literarno ustvarjanje na periferiji dveh kulturnih središč." *Naši razgledi*. 1974. Št. 23/1, s. 8–9.

Lipuš, F. "Literatura na zatožni klopi." *Mladje*. 1966. Št. 6, s. 24–27.

Lipuš, F. "Na rob koroški literaturi." *Naši razgledi*. 1983. Št. 32/11, s. 328–329.

Nora, P. *Vsemirnoye torzhestvo pamyati* [World Triumph of Memory]. *Nepriknovennoy zapas*, 2005, № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>. Accessed: 28.12.2019.

Oswald, J. "Koroška slovenska literatura in avstrijski literarni prostor." *Mladje*. 1986. Št. 63, s. 12–17.

Paternu, B. "Problem dveh tipov slovenske literature s posebnim ozirom na njen koroški del." *Koroški kulturni dnevi I. Zbornik predavanj*. Maribor: Obzorja, 1973, s. 87–99.

Paternu, B. "Vprašanje zavrtosti in prostosti v slovenski književnosti na Koroškem." *Sodobnost*. 1991. Št. 39/1, s. 1–14.

Pogačnik, J. *Slovensko zamejsko in zdmsko slovstvo (oris izhodišč in ocena vrednosti)*. Trst: Zaliv. 1972, 151 s.

Starikova, N. N. *Literatura v sociokulturnom prostranstve nezavisimoy Slovenii*. Moscow: Indrik, 2018, 368 s.

Strutz, J. "Eine «kleine Literatur». Zur Soziologie und Ästhetik der neueren slowenischen Literatur in Kärnten." *Profile der neueren slowenischen Literatur in Kärnten. Monographische Essays*. Celovec: Mohorjeva založba, 1989, s. 11–35.

Strutz, J., Zima, V. *Literarische Polyphonie: Übersetzung und Mehrsprachigkeit in der Literatur: Beiträge zum Symposium anlässlich des zehnjährigen Jubiläums des Instituts für Allgemeine und Vergleichende Literaturwissenschaft der Universität Klagenfurt*. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1996, 249 s.

Vodopivec, P. *Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja*. Ljubljana: Modrijan, 2007, 630 s.

Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Slovene literature in Austria (the national and the polycultural)

In 1920, the native Slovenian lands of southern Carinthia were included into the Austrian Republic, and the Slovenian population fell under the jurisdiction of the state, the official language of which was German. Under these conditions, literature in the native language became an important factor in the resistance against assimilation for the Carinthian Slovenes. However, decades later, the national protective function of the artistic word gradually came to naught. The contemporary literature of the Slovenian minority in Austria is a special phenomenon combining national and polycultural components and having two cultural and historical contexts, two identities — Slovenian and Austro-German. In aesthetic, thematic, linguistic terms, this literature is so diverse that it no longer fits into a literature of a national minority, and can no longer be automatically assigned to only one of the two literatures — Slovenian or Austrian. A variety of works, including proper Slovenian texts, hybrid bilingual forms, and compositions in German, of course, requires a new research methodology that would expand existing approaches and could cover the literary practice of those who create a panorama of Carinthian reality, which is in demand both in Slovenia and in Austria.

Keywords: *Slovenian literature, southern Carinthia, national minority, bilingualism, multiculturalism.*